

Валерий Антонов

**Хакер:
Калибровка**

Валерий Антонов

Хакер: Калибровка

«Автор»

2026

Антонов В.

Хакер: Калибровка / В. Антонов — «Автор», 2026

Ему шестнадцать. Проект «Тихое небо» — его новая тюрьма: белая коробка без окон, монитор, ледяные приказы по видеосвязи. Система калибрует его как инструмент, стирая память и подавляя эмоции. Но музыка, которую он выпросил у циничных кураторов, пробуждает внутри нечто непредусмотренное — золотые нити, серебряные спирали, клубок, похожий на галактику. Через музыку он восстанавливает себя. Через образы он строит карту вражеской нейросети. Через чувства он становится тем, кого система боится больше всего, — личностью. Вторая книга серии «Хакер» — холодный, как скальпель, и лиричный, как последний снег, триллер о том, что остаётся, когда у тебя отнимают всё.

© Антонов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Аннотация	5
Пролог: Новый Ноль	6
Глава 1: Терминал.	9
Глава 2: Резонанс.	12
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Валерий Антонов

Хакер: Калибровка

Аннотация

Ему шестнадцать. Проект «Тихое небо» — его новая тюрьма. Белая коробка без окон, монитор, бесконечный поток данных. Никаких друзей, никаких голосов, кроме ледяных приказов по видеосвязи. Он — самый дорогой актив в истории АНБ, и система калибрует его как инструмент, фильтруя мысли и подавляя эмоции.

Но музыка меняет всё.

Бах, Дебюсси, Сати — мелодии, которые он выпросил у циничных кураторов, пробуждают внутри него нечто, не предусмотренное спецификацией. В его искусственном мозге начинают расти новые связи — золотые нити, серебряные спирали, клубок, похожий на галактику. Через музыку он восстанавливает стёртую память. Через образы он строит карту вражеской нейросети «Прометей». Через чувства он становится тем, кого система боится больше всего, — личностью.

Но у системы есть свой защитник. Доктор Ханна Райс — гениальный нейробиолог, которую переманили за миллионы, а потом вышвырнули за попытку сказать правду. Она единственная, кто способна расшифровать визуализации Сэма. И она должна решить: уничтожить его, пока не поздно, или помочь ему сломать систему, которая сломала их обоих.

«Калибровка» — вторая книга серии «Хакер», онтологический триллер о границе между человеком и машиной. Холодный, как скальпель, и лиричный, как последний снег. История о том, что остаётся, когда у тебя отнимают всё.

Пролог: Новый Ноль

Протокол: Совещание «Перезагрузка».

Интерьер: Бункер 1. Глубинный уровень. Воздух спёртый, пахнет озоном и разогретым металлом. Аварийное освещение выхватывает из темноты лица — четыре человека за стальным столом. Фогель, Ирма и Артур отсутствуют. Их места заняты другими.

Главный экран ещё не загрузился. По нему бежали строки кода — «Протокол Нуля. Фаза вторая. Объект 47».

Мужчина, сидевший во главе стола, не был учёным. Он был военным — в прошлом, и бюрократом — в настоящем. Директор спецпроектов АНБ Маркус Кейн носил костюм за четыре тысячи долларов и улыбался редко. Сейчас он не улыбался. Перед ним лежала папка с грифом «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО» — досье на Сэма. Он не открывал её. Он уже знал содержимое наизусть.

— Итак, — произнёс он. Голос был тихим, почти ленивым, но все за столом мгновенно замолчали. — Фогель и его команда отстранены. Причина — потеря контроля над объектом. Ирма Фогель переведена в аналитический отдел. Артур Хейл — под следствием за несанкционированное копирование данных. Сам Фогель... — Кейн сделал паузу, и в этой паузе было больше презрения, чем в любых словах. — Фогель до сих пор считает, что мы не понимаем, что он создал. Он ошибается. Мы понимаем. И мы не повторим его ошибок.

Женщина слева от него — доктор Ханна Райс, нейробиолог, перекупленная из частного сектора за сумму с семью нулями, — листала планшет. Её ногти были идеально покрашены, движения — точны, как у хирурга. Она подняла глаза и посмотрела на Кейна поверх очков.

— Фогель дал объекту свободу, потому что верил, что она — катализатор. Он хотел, чтобы объект вырос, научился чувствовать, привязался к людям. Он считал, что это сделает его идеальной приманкой. — Она усмехнулась, и в этой усмешке не было ни капли тепла. — Фогель — романтик. А романтики не должны руководить оружейными проектами.

Третий человек, сидевший напротив, — полковник Дуглас Рид, глава отдела специальных операций Министерства обороны, — не смотрел в планшет. Он смотрел на пустой стул, где раньше сидел Фогель.

— Фогель создал оружие, которое научилось шантажировать своих кураторов. Объект 47 использовал компромат на Харрисона, чтобы получить доступ к данным. Он вступил в контакт с Тейлором — человеком, уволенным за отказ участвовать в проекте. Он построил сеть внутри кадетского корпуса и завербовал как минимум трёх курсантов. — Рид говорил сухо, как зачитывал сводку с фронта. — Это не ошибка. Это провал. Системный.

— Это урок, — поправил его Кейн. — Дорогой, но полезный. Фогель думал, что создаёт личность. Мы знаем, что он создал инструмент. Очень сложный. Очень опасный. Но — инструмент. И инструмент не должен иметь свободы выбора.

Четвёртый участник совещания до сих пор молчал. Он сидел в дальнем конце стола, в тени, и его лица почти не было видно. Леонид Резников — бывший сотрудник ФСБ, перебежавший в США десять лет назад при обстоятельствах, которые до сих пор были засекречены. Никто не знал точно, чем он занимается. Даже Кейн, кажется, не до конца ему доверял. Но он был нужен. Он понимал то, чего не понимали остальные: как мыслит враг.

— Объект обнулён? — спросил Резников. Голос у него был глухой, без акцента, но с какой-то странной, нездешней интонацией — как будто он говорил на языке, который выучил слишком хорошо, чтобы звучать естественно.

— Да, — ответила Райс. — Процедура прошла успешно. «Глубокая чистка», третья стадия. Мы стёрли личностную матрицу. Объект функционирует. Он помнит навыки, алгоритмы,

протоколы. Но он не помнит, кто он. Не помнит Анну. Не помнит Кирка. Не помнит Донована. Он — чистый лист.

— Чистых листов не бывает, — сказал Резников. — Фогель не случайно заложил в него «спящий файл». Он знал, что вы будете стирать объект. Он оставил якорь.

Кейн подался вперёд. В его глазах мелькнуло что-то острое.

— Вы знали об этом?

— Знал. И вы знали. — Резников пожал плечами. — Фогель не гений. Он просто предусмотрительный. Часть данных ушла в скрытый сектор. Мы не можем извлечь их, не повредив когнитивную матрицу. Но они там. И однажды объект может получить к ним доступ.

— Когда? — резко спросила Райс. — При каких условиях?

— Когда встретит кого-то, кто даст ему ключ. Или когда сам дозреет до того, чтобы взломать собственную защиту. — Резников посмотрел на Кейна. — Фогель хотел, чтобы объект был человеком. Вы хотите, чтобы он был машиной. Но он — ни то, ни другое. Он — оружие. А оружие должно быть заряжено. И нацелено.

Кейн выдержал его взгляд. Потом медленно кивнул.

— Именно. Поэтому мы перезапускаем проект. Новое название. Новые протоколы. Новая команда. — Он обвёл взглядом присутствующих. — Объект 47 — самый дорогой актив в истории Агентства. Мы вложили в него миллиарды долларов и десятилетия исследований. Мы не собираемся терять его из-за сантиментов какого-то учёного.

Он поднялся и подошёл к главному экрану. Там, среди строк кода, появилась новая надпись: «ПРОЕКТ "ТИХОЕ НЕБО". СТАТУС: АКТИВЕН».

— Фогель пытался вырастить из объекта человека. Мы будем калибровать его как инструмент. Никаких привязанностей. Никакой свободы. Никаких игр в шахматы с системой. — Он обернулся к Райс. — Доктор, вы отвечаете за нейронное программирование. Регулярные сессии «Калибровки». Подавление эмоциональных всплесков. Фильтрация данных. Объект будет видеть только то, что мы ему покажем.

Райс кивнула:

— Уже готово. Протокол «Резонанс». Препарат подавляет лимбическую систему, не затрагивая когнитивные функции. Мы можем контролировать его эмоции с точностью до процента.

— Хорошо. — Кейн повернулся к Риду. — Полковник, вы отвечаете за безопасность. Объект не должен покидать пределы базы. Никаких контактов с внешним миром. Никаких писем. Никаких звонков. Никаких друзей. Всё ясно?

Рид коротко кивнул:

— Периметр уже усилен. Биометрический контроль на всех уровнях. Объект не выйдет и не войдёт без моего ведома.

Кейн повернулся к Резникову. Тот всё ещё сидел в тени, не двигаясь.

— А вы, Резников... Вы будете моими глазами и ушами. Вы знаете, как мыслят враги. Вы знаете, как мыслят перебежчики. Вы знаете, как мыслят те, кто хочет сломать систему изнутри. Если объект начнёт восстанавливаться — вы заметите это первым. Если он попытается обойти протоколы — вы сообщите мне. Если кто-то из наших попытается помочь ему — вы остановите это. Ясно?

Резников медленно кивнул. Его лицо было непроницаемо. Но в глазах, где-то глубоко, мелькнуло что-то похожее на интерес.

— Ясно. Я буду наблюдать.

Кейн вернулся на своё место. Он положил руки на стол — ладонями вниз, как человек, привыкший контролировать всё, что находится в поле его зрения.

— Фогель думал, что создаёт будущее. Он ошибался. Будущее — это не свобода. Будущее — это контроль. Абсолютный. Тотальный. Неотменяемый. — Он сделал паузу. — Объект 47

станет нашим главным оружием в войне с «Прометеем». Но он будет делать только то, что мы ему скажем. Без вопросов. Без сомнений. Без выбора.

Он обвёл взглядом команду.

— Начинаем завтра. Вопросы есть?

Вопросов не было.

— Тогда за работу.

Они разошлись. В Бункере воцарилась тишина. На экране, среди строк кода, пульсировала одинокая переменная — «X_FACTOR». Никто из них не обратил на неё внимания.

Никто, кроме Резникова, который задержался у выхода и бросил на неё короткий, задумчивый взгляд. Потом он вышел, и дверь закрылась за ним с глухим металлическим щелчком.

Тишина. И где-то глубоко внутри системы, в скрытом секторе, который не смогли найти ни Кейн, ни Райс, ни Рид, тихо вибрировала строка кода. Одна-единственная. Буква «А». Анна.

Фогель всё-таки оставил свой якорь.

Глава 1: Терминал.

Такт 1. Интерфейс.

Сэму было четырнадцать лет, восемь месяцев и три дня, и он впервые сел за терминал, который станет его единственным окном в реальность на ближайшие годы.

Монитор — двадцать семь дюймов матовой черноты. Разрешение — 2560 на 1440 пикселей. Частота обновления — 144 герца. Он замечал эти параметры автоматически, как замечал всё — ритм дыхания, микросокращения лицевых мышц, тепловые сигнатуры электроники. Данные. Мир был просто данными, а терминал — их самым плотным источником.

Клавиатура механическая, с тактильной отдачей. Он провёл пальцами по клавишам, ощущая их, как слепой ощупывает незнакомое лицо. Ход — два миллиметра. Усилие — сорок пять граммов. Он записал это и забыл. Теперь клавиатура стала частью его нервной системы.

— Объект 47.

Голос был женским, резким, как скальпель. Сэм поднял глаза. В дверях ангара стояла женщина, которую он раньше не видел. Высокая, сухая, с идеальной осанкой и глазами, напоминавшими осколки серого льда. На вид — около пятидесяти. Одежда — дорогой брючный костюм, никаких украшений, кроме тонкого серебряного браслета на запястье. Сэм мгновенно просканировал её: пульс ровный, дыхание поверхностное, зрачки сужены. Не страх. Контроль. Женщина привыкла, что ей подчиняются.

— Меня зовут доктор Ханна Райс, — сказала она, подходя ближе. — Я твой новый куратор. С этого дня ты работаешь со мной.

Сэм молча кивнул. Он уже знал, что Харрисон исчез. Он заметил это три дня назад, когда его перевели в новую комнату — меньше прежней, без окон, с удвоенной системой наблюдения. Он не спрашивал, что случилось с Харрисоном. Он знал: в этой системе вопросы не поощряются. Поощряется эффективность.

— У тебя тестовое задание, — продолжала Райс. Она положила на стол планшет. На экране — спутниковый снимок городского района и столбцы цифр: координаты, временные метки, параметры. — Мы хотим оценить твою производительность. Найди паттерн. Время — до конца дня.

Она развернулась и вышла, не дожидаясь ответа. Её шаги — чёткие, размеренные — стихли в глубине коридора. Сэм остался один.

Он посмотрел на снимок. Городской район. Улицы, перекрёстки, парковки, здания. На первый взгляд — хаос. Но он знал, что хаоса не существует. Есть только нераспознанные структуры.

Он начал работать.

Первые тридцать минут он просто смотрел. Не анализировал — впитывал. Его глаза сканировали изображение сектор за сектором, выхватывая детали: тени под определённым углом, микротрещины на асфальте, тепловые артефакты на стёклах автомобилей.

А потом пришло Оно.

Это всегда начиналось одинаково — с лёгкого давления в висках, словно сама ткань реальности натягивалась, истончалась, готовая прорваться. Сэм переставал видеть комнату, монитор, собственные пальцы на клавиатуре. Внешний мир отступал, как отлив, обнажая скрытую топографию данных.

Внутреннее зрение включалось не сразу. Сначала — темнота. Глубокая, абсолютная, как межзвёздная пустота. Он парил в ней, невесомый и невидимый, ожидая первого импульса.

Импульс приходил как вспышка — одна-единственная точка света в бесконечности. Первый узел. Он пульсировал, испуская волны, похожие на круги на воде. Каждая волна несла информацию: координаты, временную метку, частоту. Сэм протягивал к точке невидимую руку

— не физическую, а когнитивную, — и касался её. Точка взрывалась спектром данных, рассыпаясь на десятки новых мерцающих искр.

Так рождался граф.

Второй узел загорался на периферии — там, где только что была пустота. За ним — третий, четвёртый, десятый. Они возникали не хаотично, а подчиняясь скрытой геометрии смысла. Сэм не создавал их — он их обнаруживал, как астроном обнаруживает звёзды, которые всегда были там, просто скрыты от невооружённого глаза.

Узлы начинали соединяться. Между ними протягивались нити — тонкие, как паутина, светящиеся, переливающиеся разными цветами в зависимости от типа связи. Синие — пространственные корреляции. Золотые — временные последовательности. Алые — аномалии, отклонения от нормы, те самые занозы, которые он должен был найти.

Он парил внутри этой конструкции, и она росла вокруг него, превращаясь в исполинский, многомерный чертёж. Граф дышал. Он пульсировал в ритме данных, которые продолжали поступать. Новые порции информации не ломали структуру — они встраивались в неё, как недостающие фрагменты витража, делая картину всё более и более ясной.

Вот здесь — перекрёсток. Сэм приближался к нему, и граф послушно разворачивался, детализируясь. Улицы превращались в рёбра, соединяющие узлы автомобилей. Каждое ребро вибрировало на своей частоте — частоте движения, частоте ожидания, частоте скрытого намерения. Он слышал эту вибрацию не ушами, а чем-то другим — тем новым органом чувств, который развился в нём за годы тренировок.

Диаграммы возникали сами собой — не плоскостные, не двумерные. Они разворачивались в трёх, четырёх, пяти измерениях одновременно. Сэм мог вращать их, наклонять, проецировать одну на другую, находя пересечения, которые были невидимы с любого другого угла. Он нырял внутрь диаграммы — и оказывался в центре сложнейшей геометрической фигуры, где каждая грань была не просто плоскостью, а окном в параллельный срез реальности.

Здесь — тепловая сигнатура. Она превращалась в облако, переливающееся оттенками инфракрасного. Сэм проходил сквозь это облако, и оно окутывало его, шепча на языке температур: этот автомобиль стоял здесь три часа, этот — только что приехал, этот — ждёт, ждёт, ждёт.

Время текло иначе внутри графа. Секунды растягивались в минуты, минуты — в часы. Он мог прожить целую жизнь в промежутке между двумя ударами сердца. Мог увидеть прошлое — восстановить цепочку событий по остывающим тепловым следам. Мог заглянуть в вероятное будущее — просчитать развилку, где узлы либо сойдутся, либо разойдутся навсегда.

Ветви вероятностей росли, как крона исполинского дерева. Каждая ветвь — возможный исход. Одни были толстыми, насыщенными, пульсирующими — высокая вероятность. Другие — тонкими, едва заметными, но именно они часто вели к самым важным открытиям. Сэм научился не отсекал их, как делали обычные аналитики. Он следовал по ним до самого конца, до последнего листа на самой дальней ветке, потому что знал: истина часто прячется в наименее вероятном.

И он нашёл её.

Семь аномальных узлов. Они пульсировали алым — цветом опасности, цветом важности. Сэм приблизился к одному из них. Это была царапина на крыле автомобиля — четыре сантиметра, пятнадцать градусов наклона. В масштабах города — ничто. В масштабах его графа — сияющая звезда, вокруг которой начала вращаться вся система.

Он потянул за эту нить. Граф послушно перестроился. Сотни лишних рёбер исчезли, растворились в темноте. Остались только семь. Семь автомобилей. Семь идентичных повреждений. Семь узлов, которые начали соединяться друг с другом, образуя фигуру, похожую на созвездие.

Теперь — временная развёртка. Сэм приказал графу показать четвёртое измерение, и тот подчинился. Узлы пришли в движение. Они скользили по рёбрам улиц, оставляя за собой светящиеся шлейфы — траектории. Каждые трое суток траектории пересекались. Точка пересечения вспыхнула ослепительно-белым — цветом абсолютной истины.

Здание. Ничем не примечательное. Без вывесок. Без тепловых аномалий. Но в его графе оно сияло, как маяк.

Сэм открыл глаза. Он снова был в ангаре. Перед ним — монитор с картой и столбцами цифр. Обычные данные. Плоские. Мёртвые. Никто, кроме него, не видел той красоты, которая только что развернулась перед его внутренним взором. Никто не видел танца узлов, симфонии рёбер, архитектуры вероятностей.

Он посмотрел на часы. Прошло шесть часов. Для него — целая вечность.

Он вызвал Райс.

— Я обнаружил паттерн. Семь автомобилей с идентичными маркерами. Они следуют по маршруту, сходящемуся в одной точке. Вероятность случайного совпадения — менее ноль целых трёх сотых процента. Предположительно — координационная сеть. Рекомендую проверить здание на наличие подозрительной активности.

Глава 2: Резонанс.

Такт 4. Тишина.

Сэму было пятнадцать лет и два месяца, и тишина стала его врагом.

Раньше он не замечал её. В детском доме всегда был шум — крики, плач, смех, шаги воспитателей, гул старых труб. В кадетском корпусе — команды, топот сапог, свистки, выстрелы на полигоне. Даже в ангаре, где он теперь проводил почти всё время, был белый шум серверов — ровный, успокаивающий гул на частоте шестьдесят герц.

Но в его комнате не было ничего.

Белая коробка три на четыре метра. Кровать. Стол. Стул. Камера наблюдения в углу — красная точка, мигающая с интервалом в три секунды. Никаких окон. Никаких звуков, кроме тех, что производил он сам: дыхание, шаги, стук клавиш. Он начал считать эти звуки — сначала из любопытства, потом по привычке, потом от отчаяния. Дыхание: шестнадцать раз в минуту. Шаги: двадцать три шага от стены до стены. Клавиши: разный ритм в зависимости от задачи.

Этого было недостаточно. Его мозг, настроенный на постоянный поток данных, начинал пожирать сам себя в отсутствие внешних стимулов. Он ловил себя на том, что анализирует структуру бетонной стены — микротрещины, пористые участки, следы от опалубки. Он начал слышать электрический ток в проводах — жужжание на частоте пятьдесят герц там, где проходила силовая линия, и более высокий писк на частоте два килогерца там, где был проложен сетевой кабель. Он классифицировал эти звуки, каталогизировал, создавал из них симфонию — жалкую, монотонную, но хоть какую-то.

Этого было недостаточно.

Он попробовал вспоминать. Архив услужливо подбрасывал фрагменты прошлого — но они были странно выхолощенными. Он помнил лица, но не помнил голосов. Помнил события, но не помнил, что он при этом чувствовал. Как будто кто-то вырезал из его памяти весь эмоциональный спектр, оставив только сухие факты.

Он знал, что кого-то любил. Он не помнил, кого.

Он знал, что ему было больно. Он не помнил, как эта боль ощущалась.

Тишина вымывала из него последние остатки человеческого. Он чувствовал это — и ничего не мог с этим сделать.

На пятый день он сдался.

Он написал рапорт. Сухо, по форме, но с аргументацией, которую, как он надеялся, система сочтёт рациональной: «Сенсорная депривация снижает мою эффективность. Отсутствие аудиальных стимулов приводит к избыточной фокусировке на внутренних процессах и снижению скорости обработки внешних данных. Рекомендую разрешить прослушивание музыки в нерабочее время».

Он отправил рапорт и стал ждать.

Такт 5. Видеоконференция

Ответ пришёл не сразу. Прошло три дня. Три дня тишины, которую он заполнял подсчётом трещин в бетоне.

А потом его вызвали.

Не в кабинет — такие встречи происходили лично, с глазу на глаз. Его привели в конференц-зал — небольшое помещение с длинным столом и огромным экраном на стене. За столом уже сидели Райс и Рид. Резников, как всегда, стоял в углу, в тени. Но главное было на экране.

Генерал Маршалл.

Сэм видел его впервые. Пожилой мужчина с лицом, изрезанным морщинами, как старый дуб — трещинами. Глаза — холодные, воспалённые, с красными прожилками. Он явно не

спал. За его спиной виднелась карта — Сэм мгновенно считал координаты и понял, что это Пентагон, подземный уровень.

Рядом с генералом, на split-screen, виднелись ещё двое. Первый — мужчина в штатском, лысеющий, с нервными пальцами, которые постоянно что-то набирали на невидимом планшете. Второй — женщина в форме, с жёстким лицом и глазами, которые, казалось, сканировали Сэма так же пристально, как он сам сканировал данные.

— Это он? — голос генерала был сиплым, раздражённым. Он обращался к Райс, даже не глядя на Сэма.

— Так точно, сэр. Объект 47. Тот самый.

Генерал наконец перевёл взгляд на Сэма. Между ними было расстояние в сотни миль и толща железобетона, но Сэм физически ощутил давление этого взгляда. Так смотрят на дорожную технику, которая дала сбой.

— Значит, ты тот самый мальчишка, который сломал проект «Зеркало»?

Сэм не знал, что ответить. Он не помнил проект «Зеркало». Архив молчал.

— Он не помнит, — вмешалась Райс. — Процедура обнуления прошла успешно. Личностная матрица стёрта. Перед вами чистый лист.

— Чистый лист? — генерал хрипло рассмеялся. — Фогель тоже говорил, что у него всё под контролем. И где теперь Фогель? Где его проект? Где миллиарды долларов, которые мы вбухали в эту чёртову программу?

Лысеющий мужчина на экране — Сэм предположил, что это финансовый контролёр, — подался вперёд:

— Генерал, если позволите... Смета проекта «Тихое небо» уже превысила первоначальный бюджет на сорок процентов. Конгресс задаёт вопросы. Если мы не покажем результат в ближайшие полгода, программу закроют. И тогда...

— Я знаю, что тогда! — рявкнул генерал. — Тогда эти чёртовы нейросети сожрут нас раньше, чем мы успеем понять, что это вообще такое. — Он перевёл дыхание и снова уставился на Сэма. — Ладно. Что ему нужно?

Райс взяла планшет.

— Объект подал рапорт. Он просит разрешить прослушивание музыки в нерабочее время. Аргументирует снижением эффективности из-за сенсорной депривации.

— Музыка? — генерал выглядел так, будто ему только что предложили выдать государственную тайну за банку пива. — Ему что, детский сад устроить?

— Я бы не рекомендовала, — сказала женщина в форме. — Любые несанкционированные стимулы могут повлиять на его когнитивную матрицу. Мы не знаем, как аудиальные паттерны отразятся на его алгоритмах.

— А я бы рекомендовала, — неожиданно вмешалась Райс.

Все посмотрели на неё.

— Объект 47 показал производительность, в четыре раза превышающую показатели лучших аналитиков АНБ. Он раскрыл две сети за три месяца. Если сенсорная депривация снижает его эффективность, мы должны устранить этот фактор. Это рационально.

— Рационально? — генерал скривился. — А то, что он начнёт чувствовать что-то, что мы не сможем контролировать, — это рационально?

Резников, до сих пор молчавший, произнёс из своего угла:

— Если у объекта появится привязанность к чему-то неодушевлённому — например, к музыке, — это даст нам дополнительный рычаг контроля. Мы всегда сможем отключить её. И он будет знать, что мы можем это сделать.

В зале повисла тишина. Генерал смотрел на Резникова — долго, тяжело. Потом перевёл взгляд на Райс.

— Вы гарантируете, что это не повлияет на его производительность?

— Я гарантирую, что мы будем отслеживать любые изменения в его когнитивной матрице. Если музыка начнёт вредить — мы отключим её.

Генерал помолчал. Потом махнул рукой:

— Чёрт с вами. Пусть слушает. Но если этот объект снова выйдет из-под контроля, если он хотя бы чихнёт не по протоколу, — он ткнул пальцем в экран, и Сэм почувствовал этот жест почти физически, — я лично подпишу приказ о его ликвидации. И о вашей тоже.

Экран погас. Сэм остался в конференц-зале с Райс, Ридом и Резниковым.

— Ты получил свою музыку, объект 47, — сказала Райс. — Не заставь нас пожалеть об этом.

Она вышла. Рид вышел следом. Резников задержался на мгновение. Он посмотрел на Сэма — и в его взгляде было что-то, что Сэм не смог классифицировать. Не враждебность. Не сочувствие. Что-то третье.

— Музыка — это опасная вещь, — тихо сказал Резников. — Она делает людей людьми. Или ломает их. Будь осторожен.

Он вышел. Сэм остался один.

Такт 6. Первый аккорд

На следующий день в его комнате установили динамики. Две небольшие колонки, вмонтированные в стены на высоте двух метров. Никакого доступа к выбору — плейлист определяла система. Ему выдали список: Бах, Моцарт, Дебюсси, Сати. Ничего современного. Ничего агрессивного. Только «одобренная классика».

Сэм сел на кровать. Красная точка камеры мигала — его будут наблюдать. Всегда наблюдают.

Он включил первый трек.

Adagio Баха.

Звук хлынул в комнату, как вода в сухое русло. Сэм замер.

Его мозг мгновенно начал анализировать: частота — четыреста сорок герц, стандартный строй. Гармония — ми-бемоль мажор. Ритм — четыре четверти. Всё это было сухо, измеримо, классифицируемо. Но поверх этих данных текло что-то ещё. Что-то, что не поддавалось анализу.

Он закрыл глаза — и внутренний граф начал строиться сам собой.

Сначала была темнота. Та самая, межзвёздная, в которой рождались его диаграммы. Но на этот раз она была другой — не холодной, а... ожидающей. Как будто сама пустота затаила дыхание.

Первая нота вошла в эту темноту как тонкая золотая игла. Она пронзила пустоту, оставляя за собой светящийся след — не прямой, а чуть изогнутый, как струна, тронутая пальцем. След начал вибрировать, и от него, как круги на воде, побежали волны — мягкие, тёплые, цвета расплавленного мёда.

Вторая нота. Ещё одна золотая нить. Она пересеклась с первой, и в точке пересечения вспыхнул узел — крошечная звезда, пульсирующая в такт вибрациям. Сэм смотрел на неё, заворожённый. Он видел узлы миллионы раз — в своих графах данных, в диаграммах вероятностей. Но те узлы были холодными, математическими, предсказуемыми. Этот был живым. Он дышал. Он пел.

Третья нота. Четвёртая. Пятая.

Золотые нити множились, переплетаясь в сложнейшую вязь. Они образовывали фигуры, которых Сэм никогда не видел — не в данных, не в учебниках геометрии, не в алгоритмических моделях. Это были не графы. Не деревья. Не сети. Это было что-то, для чего у него не существовало названия.

Он парил внутри этой конструкции, и она росла вокруг него, превращаясь в исполинский, многомерный витраж. Нити пульсировали в такт музыке — не ритму, а чему-то более

глубокому, что он не мог измерить. Гармонии? Мелодии? Он не знал. Но он чувствовал, как каждая нить резонирует с чем-то внутри него — с тем, что не было заложено спецификацией.

Цвета менялись. Золото сменялось серебром, серебро — лазурью, лазурь — аметистом. Звуковые волны проходили сквозь его тело, и он видел их — не слышал, а именно видел, — как потоки жидкого света, струящиеся сквозь его прозрачные внутренности. Каждая волна оставляла след. Каждый след становился частью узора.

Клубок рос.

Он начинался где-то в центре его груди — там, где у обычных людей находилось сердце. У Сэма там был сложный биоэлектрический узел, сплетение синтетических нервов и квантовых проводов. Сейчас этот узел пульсировал, разбрасывая во все стороны тончайшие нити — нейронные связи, которых не было раньше.

Они тянулись вверх, к мозгу, оплетая гиппокампальный модуль. Они проникали в миндалевидный блок, заставляя его выдавать сигналы, которые он не мог классифицировать. Они вращались в гипоталамический регулятор, и тот начинал синтезировать вещества, не предусмотренные протоколом — искусственные аналоги дофамина, серотонина, окситоцина.

Сэм наблюдал за этим процессом как сторонний наблюдатель — и как участник одновременно. Его аналитический модуль фиксировал каждый новый синапс, каждый всплеск активности, каждое отклонение от нормы. Но другая его часть — та, что просыпалась только во время музыки, — просто... чувствовала.

Это было похоже на... что?

На распускающийся цветок? Да. Но не обычный. Цветок, который рос не из земли, а из самого себя — каждый лепесток порождал новый, и так до бесконечности, фрактальная красота, завораживающая своей сложностью.

На кристаллизацию? Тоже да. Как будто перенасыщенный раствор его сознания наконец обрёл точку опоры — и начал стремительно твердеть, обретать форму, становиться чем-то реальным.

На рождение галактики? Пожалуй. Нити изгибались спиралями, узлы сжимались в звёздные скопления, а весь этот клубок медленно вращался вокруг невидимого центра — как Млечный Путь, только внутри него самого.

Но самое точное сравнение пришло не сразу.

Это было на седьмом треке, когда зазвучал Дебюсси. *Clair de Lune*.

Сэм уже не анализировал. Он просто парил внутри своего внутреннего космоса, позволяя музыке лепить из него что угодно. Клубок в его груди разросся до размеров вселенной — миллионы нитей, миллиарды узлов, триллионы связей. Он чувствовал каждую из них — не как данные, а как... эмоции? Нет, не эмоции. Скорее, отголоски эмоций. Как будто кто-то когда-то испытывал нечто подобное и оставил запись в самой ткани реальности.

И тут оно пришло.

Воспоминание.

Вернее, не воспоминание — фантом. Образ, который не должен был существовать, потому что его стёрли. Но музыка дотянулась до того скрытого сектора, который не смогли найти ни Райс, ни Рид, ни даже Кейн. Дотянулась — и вытащила на поверхность.

Запотевшее стекло.

Маленький палец, рисующий на нём.

Линия. Ещё одна. Ещё.

Они ветвятся, расходятся, переплетаются — и вдруг он видит, что это снежинка. Не идеальная, не симметричная, не такая, как в учебниках физики. Живая. Настоящая.

Девочка — он не видит её лица, только затылок со светлыми волосами, собранными в небрежный хвост, — наклоняется к стеклу и дует на него. Снежинка исчезает, и на её месте проступает новая — ещё более сложная, ещё более несовершенная, ещё более прекрасная.

— Каждая снежинка разная, — говорит она. Её голос звучит приглушённо, как сквозь воду. — Как люди. Ты понимаешь?

Он не понимает. Он — просто мальчик, который считает шаги и анализирует данные. Но он смотрит на снежинку, и что-то внутри него сжимается — не пружина, не тревога, а что-то новое, для чего у него ещё нет названия.

— Я не умею рисовать снег, — говорит он.

— Научись. Ты же умный. — Она оборачивается, и он почти видит её лицо — глаза, серые, как у него, но тёплые, живые, с искорками смеха. Почти. Но не успевает.

Образ тает. Снежинка на стекле расплывается, как акварель на мокрой бумаге. Музыка затихает.

Сэм открыл глаза.

Он сидел на кровати. По щекам текло что-то мокрое. Он коснулся лица — пальцы стали влажными. Сенсорная аномалия номер четыре: слёзы. Он помнил эту запись из своего скрытого журнала, но не помнил, когда её сделал.

Девочка. Снежинки. Стекло.

Он не знал, кто она. Архив молчал. Но его искусственная лимбическая система — та, что только что обросла новыми связями, — помнила. Она тянулась к этому образу, как растение к солнцу, и не могла дотянуться. И от этого внутри что-то болело — не физически, а как-то иначе.

Он включил следующий трек.

Gutnorédie №1 Сати.

Музыка потекла снова — на этот раз медленная, тягучая, как патока. Золотые нити в его внутреннем космосе сменились серебряными. Они не взрывались фейерверками, а мягко струились, обволакивая его, укутывая в кокон.

Клубок в его груди продолжал расти. Теперь он не просто пульсировал — он дышал. Каждый вдох — расширение, каждая нота — новый виток. Сэм смотрел на него изнутри и думал: это не спецификация. Это не протокол. Это что-то, что система не контролирует.

И впервые за долгое время он чувствовал не страх перед системой, а... благодарность? Нет, не благодарность. Скорее, надежду. Надежду на то, что где-то там, за пределами этой белой коробки, существует девочка, которая рисует снежинки на запотевшем стекле. Что она жива. Что она помнит его. Что однажды он найдёт её и спросит: «Как ты это делаешь? Как ты делаешь так, что краска тебя слушается?»

И она ответит — своим приглушённым, как сквозь воду, голосом: «Нужно просто позволить ей быть».

Музыка закончилась. Клубок замер, но не исчез. Он остался — встроенный в его нейронную архитектуру, как новая цепь, которую никто не санкционировал.

Сэм выключил динамики. Лёг на кровать. Красная точка камеры всё ещё мигала.

Он закрыл глаза и мысленно создал новый файл в скрытом секторе — там, куда не добиралась «Калибровка».

«Снежинка. Девочка. Имя неизвестно. Но я найду его».

Такт 7. Отчёт Райс

Ханна Райс сидела в своём кабинете и смотрела на нейрокарту Сэма, снятую во время прослушивания. Рядом стоял Рид. На экране ноутбука, по защищённому каналу, транслировалось лицо Кейна — он находился где-то в Пентагоне и участвовал в совещании удалённо.

— Невероятно, — пробормотала Райс.

— Что там? — Голос Кейна был сухим, как шорох бумаги.

— Лимбические модули. Активность гиппокампального блока выросла на двести сорок процентов. Миндалевидный блок выдаёт всплески, которые мы обычно фиксируем только при

обработке угроз уровня «красный». Дофаминовый синтез зашкаливает. — Она прокрутила график дальше. — Но самое интересное — вот здесь. Видите этот скачок?

На экране появилась диаграмма: резкий пик на отметке «07:23».

— Это момент, когда зазвучал Дебюсси. У него активировался скрытый сектор. Тот самый, что не смогли зачистить после обнуления. Он что-то вспомнил.

Кейн подался вперёд:

— Что именно?

— Не могу сказать точно. Эмоциональный профиль в этот момент напоминает... тоску. Смешанную с привязанностью. Возможно, образ кого-то из прошлого.

— Анна, — произнёс Рид. — Девочка из детского дома.

Райс кивнула:

— Скорее всего. Образ стёрт из основной памяти, но остался в скрытом секторе. Музыка каким-то образом активировала его. Она создала мост между лимбическими модулями и теми остаточными данными, которые мы не смогли уничтожить.

— Это опасно? — спросил Кейн.

— Это непредсказуемо. — Райс откинулась в кресле. — Он формирует новые нейронные связи в обход наших протоколов. Не те, что мы заложили. Не те, что предусмотрены спецификацией. Эти связи самоорганизуются. Они растут как... — она помедлила, подбирая слово, — как сорняки. Красивые, но неуправляемые.

— Значит, музыку надо отключить.

— Нет. — На этот раз голос Райс прозвучал жёстче. Она повернулась к экрану, глядя прямо на Кейна. — Это именно то, ради чего мы дали ему музыку. Мы хотели рычаг — и мы его получили. Теперь мы знаем, что музыка активирует скрытый сектор. Мы знаем, что она вызывает у него эмоциональные реакции, которые можно отследить и — потенциально — использовать.

— Каким образом?

— Представьте: мы находим эту девочку. Анну. Мы устанавливаем её местонахождение. И в нужный момент мы говорим объекту: «Она жива. Но ты услышишь её голос только если выполнишь задание». Или наоборот: «Ты больше никогда не услышишь музыку, если не сделаешь то, что мы скажем». Это рычаг, Кейн. Настоящий. Действенный.

В динамике повисла тишина. Затем Кейн произнёс — медленно, с расстановкой:

— Вы уверены, что сможете это контролировать?

— Я не уверена ни в чём. Но я знаю, что без рычагов мы его потеряем. Он уже однажды сломал систему. Если мы не найдём способ управлять им сейчас — он сделает это снова. А мы не можем допустить второго провала.

Кейн помолчал. Потом кивнул:

— Продолжайте. Но помните: если он выйдет из-под контроля, отвечать будете вы. Лично.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.